

УДК 343.1 **ОБ АКСИОЛОГИИ¹ СОВРЕМЕННОГО ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА
В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**
**On axiology of modern creative legislation in the sphere
of criminal legal proceedings**

Ю. В. Деришев – заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского юридического института, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Y. V. Derishev – chief of the criminal procedure and criminology chair of the Omsk Law Institute, doctor of law sciences, professor, the honored lawyer of the Russian Federation

***Аннотация.** Статья посвящена анализу ряда законопроектов, предложенных Следственным комитетом Российской Федерации и серьезно корректирующих Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации с позиции их ценности (полезности) для современного отечественного законодательства и правоприменения.*

The article is devoted to the analysis of a number of the bills offered by Inquiry committee of the Russian Federation, seriously correcting criminal procedure code of the Russian Federation concerning their value (utility) for modern domestic creative legislation and law enforcement.

***Ключевые слова:** аксиология, доследственное производство, средства стадии возбуждения уголовного дела, судебная экспертиза, полицейское дознание, ускоренное производство, объективная истина, ценность и полезность.*

An axiology, pre-investigation legal proceedings, means of a criminal case initiation stage, judicial examination, the police inquiry, the accelerated legal proceedings, an objective truth, value and utility.

Общеизвестна классическая формула политической основы подготовки и проведения государственных судебно-правовых реформ. В любом случае это компромисс между наукой, предлагающей пути оптимизации законодательства, и администрацией государства, допускающей и выбирающей эти пути, определяющей при этом тактику (концепцию) и стратегию (доктрину) реформирования. При этом необходимо признать, что подобные компромиссы, как правило, заканчивались в разной степени заметными и радикальными «контрреформами», что, в частности, обусловило, например, неудачу итальянского «кодекса Вассали (Vassalli)».

Как заметил Л. В. Головкин, действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) с компаративистской позиции по степени радикальности и амбициозности замысла сопоставим, по крайней мере в рамках европейских реформ, разве что с нашумевшей итальянской кодификацией 80-х гг. XX века².

Действительно, любая реформа, в том числе судебно-правовая, и тем более если она направлена на преобразование больше либерального свойства, всегда вызывает контрреформу. История Отечества и зарубежный опыт позволяют легко этот вывод обосновать. Так было в России в 60-е гг.

¹ Аксиология как особый раздел философского знания возникает тогда, когда понятие бытия расщепляется на два элемента: реальность и ценность как возможность практической реализации. Задача аксиологии в таком случае – показать возможность практического разума в общей структуре бытия.

² См.: Головкин Л. В. Новый УПК Российской Федерации в контексте сравнительного уголовно-процессуального права // Гос-во и право. 2002. № 5. С. 51.

XIX в., во Франции в 50-е и 90-е гг. XIX в., в Италии в 80-х гг. прошлого столетия и т. п.

Аналогичную ситуацию современники наблюдали и после принятия УПК РСФСР 1922 г. Беспрецедентный факт: достаточно демократичный, тем более для молодого советского государства, кодекс, во многом впитавший либеральный по тем временам дух Устава уголовного судопроизводства Российской империи, был отторгнут государством и уже через год заменен на УПК, более приемлемый для задач «революционной законности».

Многочисленные экспертные оценки современной правотворческой ситуации в конечном итоге сводятся к одному выводу: уголовно-процессуальная политика государства последних лет крайне противоречива и нестабильна. Перманентный, суебливый, зачастую сиюминутный характер развития законодательства об уголовном судопроизводстве, кроме раздражения у представителей как правоприменительного, так и теоретического «цеха», иных эмоций не вызывает. Еще до начала действия УПК РФ «стремление законодателя в рабочем порядке исправить допущенные ошибки не привело к должным результатам и вовсе не улучшило качество кодификационного акта, который принимался в спешке»³. Как отмечали российские ученые, в первые годы действия УПК РФ «явно лидировал среди всех кодексов по обилию чудовищных пробелов, ляпов и несуразностей» и в этом отношении представлял собой «уникальное явление в истории отечественного законодательства»⁴. Всего через три года с начала своего действия УПК РФ был изменен почти на треть⁵.

Ныне действующая редакция по-прежнему «впечатляет» массой «погрешностей, за которые зачастую расплачиваются рядовые граждане»⁶.

На фоне возросшей активности российского законодателя особо следует сказать о невысоком качестве законодательных новелл, их недостаточ-

ной продуманности и даже ошибочности, вредности ряда нововведений⁷. При этом нынешнее законодательство является хаотичным⁸. Говорить о каких-либо контрреформах сейчас уже не приходится, наблюдается какая-то законодательная чехарда, извините, шараханье! Причем это относится ко всему российскому законодательству. Резкую оценку законодательным процессам дал В. Блажеев, заявив: «У нас нет даже никакого научного плана развития законодательного процесса. Он протекает как бы по ситуации, число утилитарно, ситуационно. И это страшно»⁹.

Активно помогают в этом и инициаторы законопроектов. Так, оценивая «неуклюжие», но в целом позитивные, по мнению автора, шаги законодателя об упрочении роли прокурора в уголовном судопроизводстве, В. А. Лазарева в конечном итоге заключает, что «авторам законопроектов, прежде чем обнародовать свои творения, не вредно было бы иногда прочесть то, что в итоге получилось»¹⁰.

Нельзя не признать, что многочисленные изменения и дополнения законодательства обоснованы порой предметными идеями совершенствования уголовного судопроизводства. Вместе с тем довольно часто это продукт притязаний (и не всегда легитимных) отдельных заинтересованных и причастных к уголовному судопроизводству ведомств и служб¹¹. При этом под сакральным девизом усиления гарантий прав и интересов личности предлагается введение новых процессуальных возможностей и даже институтов (например, объективной истины), одновременно повышающих эффективность деятельности правоохранительных ведомств.

Вместе с тем «между строк» достаточно очевидно просматривается банальный системный интерес – эффективнее решать свои задачи, зачастую узковедомственные и сиюминутные. Так, в последние годы в правоохранительной среде идет

³ Сауляк О. П. Уголовно-процессуальный кодекс РФ: некоторые проблемы качества закона и практики его применения // Закон. 2009. № 10. С. 121.

⁴ Орлов Ю. К. «Обязан» или «вправе»? К чему ведет «лингвистическая» новация в УПК РФ // Рос. юстиция. 2003. № 10. С. 39.

⁵ См.: Сауляк О. П. Указ. соч. С. 121.

⁶ Зорькин В. Д. Законный брак. За ошибки законодателя расплачиваются граждане // Рос. газ. 2006. 7 июля.

⁷ См., напр.: Терехин А. В. Некоторые достижения и просчеты современной судебной реформы // Рос. юстиция. 2008. № 10. С. 2–6; Божьев В. П. Сущность изменений в УПК РФ от 2 декабря 2008 г. // Законность. 2009. № 5. С. 3–6 и др.

⁸ См.: Ляхов Ю. А. Приоритеты уголовно-процессуального законодательства // Гос-во и право. 2010. № 8. С. 43.

⁹ Блажеев В. В. Элита по наследству // Рос. газ. Неделя. 2009. 23–29 июля.

¹⁰ Лазарева В. А. Последние изменения в статусе прокурора (Закон от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ) // Уголовное судопроизводство. 2011. № 3. С. 2–5.

¹¹ См.: Ляхов Ю. А. Указ. соч. С. 43.

бескомпромиссная борьба с прекращением уголовных дел. Количество дел, по которым принимаются подобные решения, постоянно сокращается. Если в последнем десятилетии XX в. прекращалось каждое 5–6-е уголовное дело, то в настоящее время – не более чем каждое 20-е! В контексте соблюдения принципов презумпции невиновности и осуществления правосудия только судом тенденцию сокращения случаев «внесудебных уголовных репрессий» можно приветствовать.

В соответствии с Пекинскими правилами 1985 г., рассчитанными на кураторские охранительные начала деятельности юридической системы, уголовный процесс по делам несовершеннолетних должен допускать большую возможность прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям без судебной процедуры. Вместе с тем доля уголовных дел данной категории, направленных в суд с постановлением о применении принудительных мер воспитательного воздействия в порядке ст. 427 УПК РФ, не превышает 4,5 %, прекращенных по иным основаниям – 2,5 %¹². Все дела практически направляются в суд! Поистине «модели российской карательной и «пекинской» кураторской юстиции органически несовместимы»¹³.

Подобный путь развития правоприменительной практики породил, на наш взгляд, еще одну серьезную проблему. Не секрет, что в настоящее время следователями Следственного комитета РФ проводится большой объем работы по проверке информации о криминальных событиях в рамках так называемых «доследственных проверок».

Гипертрофическое внимание современной правоприменительной практики к вопросам законности и обоснованности принятия решения о возбуждении уголовного дела, естественно, приводит к раздуванию сроков и объема доследственного производства. Материалы проверок, проводимых следователями Следственного комитета РФ (и не только ими) по сообщениям о преступлении, сравнимы с томами расследованных уголовных дел. Вместе с тем в истекшем году по 1,5 млн проверенных сообщений лишь в 7 % случаев (око-

ло 110 тыс. сообщений о преступлении) следователями принималось решение о возбуждении уголовного дела, в 42,1 % случаев принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления (92,8 % от всех случаев вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела).

В результате Следственный комитет РФ объективно трансформировался в орган дознания по проверке сообщений о преступлении, однако, оставаясь по назначению, «по духу» исследователем обстоятельств совершенного преступления, проводит расследование, но в стадии возбуждения уголовного дела. Мало того что уголовный процесс активно ведется и в том случае, когда еще нет уголовно наказуемого правонарушения. Фактически в данной стадии идет поиск не признаков преступления, т. е. оснований к возбуждению уголовного дела, а определяется судебная перспектива и тем самым предупреждается и предотвращается возможность прекращения уголовного преследования! Очередной перекокс и парадокс!

В связи с этим неписанный запрет Генеральной прокуратуры РФ, МВД России и Следственного комитета РФ на прекращение уголовных дел, как крайне негативный результат досудебного производства, все больше по инициативе данных правоохранительных органов «обеспечивается» законодателем. Именно Следственный комитет РФ в последнее время выступает заинтересованным инициатором процесса всемерного расширения перечня правовых средств в стадии возбуждения уголовного дела, т. е. процессуальных возможностей правоприменителя (это подтверждает, в частности, введение в УПК РФ разрешения на доследственное производство освидетельствования и осмотра трупа).

1. В этом смысле особо следует отметить проект федерального закона «О внесении изменений в статьи 62 и 303 УК РФ и УПК РФ», направленный на трансформацию общего порядка осуществления дознания по уголовным делам, проверки сообщения о преступлении и привлечения понятых к участию в уголовном судопроизводстве¹⁴.

¹² Одной из причин формирования подобной негативной практики явилось многолетнее разрушение на уровне кодификации специализации по расследованию дел несовершеннолетних. Лишь Федеральным законом от 28 дек. 2010 г. № 404-ФЗ законодатель дополнил ч. 2 ст. 151 УПК РФ пунктом «г», согласно которому уголовные дела о тяжких и особо тяжких преступлениях, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних, с 1 янв. 2012 г. расследуются следователями Следственного комитета РФ.

¹³ Пашин С. А. Пекинские правила и некоторые положения российского уголовного законодательства (сопоставление моделей кураторской и карательной юстиции) // Вопросы ювенальной юстиции. 2011. № 4. С. 13–15.

¹⁴ См.: Рос. газ. 2012. 11 марта.

Как указано в пояснительной записке к законопроекту, в «целях обеспечения прав и законных интересов участников на этапе досудебного производства и создания всех необходимых условий для принятия законного и обоснованного решения о возбуждении уголовного дела либо об отказе в этом *уточняется (выделено нами. – Ю. Д.)* процедура проверки сообщения о преступлении».

Это «уточнение» заключается в предложении расширить полномочия органов предварительного расследования при проверке сообщения о преступлении, предоставив им право получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, а также изымать их, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта, производить осмотр места происшествия, трупа, предметов и документов, освидетельствование.

Проведение в случае необходимости судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела при явной экономии столь дефицитного экспертного ресурса, как указано в пояснительной записке, позволит следствию принимать необходимые решения на основе процессуально безупречных доказательств, полученных в установленном порядке. Действительно, проблема специальных исследований «до и для» возбуждения уголовного дела давно беспокоит правоприменителя. Но решаться она должна иначе.

Для обеспечения реализации прав и законных интересов участников досудебной проверки законопроектом предлагается установить несколько своеобразные процессуальные гарантии. Лицам, участвующим в производстве следственных и иных процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права, обязанности и ответственность, предусмотренные УПК РФ, и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, в частности, возможность осуществления права не свидетельствовать против самого себя, своего супруга и других близких родственников, права пользоваться услугами адвоката или права подавать жалобы на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования. Вопрос один: кому разъяснять и чьи права обеспечивать? Субъекты уголовного процесса, в соответствии с УПК РФ, формируются в рамках возбужденного уголовного дела.

Законопроектом фактически предлагается досудебный «суррогат предварительного расследования». Точнее, последнее плавно перетекает в стадию возбуждения уголовного дела.

Вместе с тем решение проблемы стадии возбуждения уголовного дела лежит совсем в иной плоскости. *Досудебное производство как единая (унитарная) фаза уголовного процесса, предшествующая судебному разрешению уголовного дела*, должно начинаться осуществляемым в рамках уголовно-процессуального и административного (оперативно-разыскного) законодательства *полицией* дознанием в целях проверки заявлений и сообщений о противоправных действиях и установлению оснований для начала производства предварительного расследования по уголовному делу, а также раскрытия преступления и либо передаче дела следователю для производства предварительного следствия, либо направлении дела в суд после проведения *сокращенного (ускоренного) расследования*, осуществляемого органами дознания. В связи с этим УПК РФ следует дополнить нормой общего дозвещения, определяющей общий порядок производства по проверке сведений о преступлении (аналогия ст. 254 Устава уголовного судопроизводства), а правовые средства полицейского дознания должны регламентироваться административным (оперативно-разыскным) законодательством и подзаконными нормативными правовыми актами. При этом производство по преступлениям, где лицо, его совершившее, не установлено, должно начинаться в форме *полицейского дознания* с возможностью осуществления необходимых следственных действий. Подобное уголовное дело подлежит передаче следователю после установления лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности (либо органы дознания завершают досудебное производство в сокращенной форме).

Последнее положение было известно русскому уголовному процессу. Согласно ст. 253 Устава уголовного судопроизводства «когда признаки преступления или проступка сомнительны, или когда о происшествии, имеющем такие признаки, полиция известится по слуху (народной молве) или вообще из источника не вполне достоверного, то, во всяком случае прежде сообщения о том по принадлежности, она должна удостовериться через дознание: действительно ли происшествие то случилось и точно ли в нем заключаются признаки преступления или проступка». Кроме того, ст. 254 Устава уголовного судопроизводства определяла средства: «При производстве

дознания полиция все нужные ей сведения собирает посредством розысков, словесными распросами и негласными наблюдениями, не производя ни обысков, ни выемок в домах», то есть, если пользоваться современной терминологией, в рамках оперативно-разыскной (административной полицейской) деятельности.

Для установления характера и правовой природы правонарушения, о котором поступило сообщение, в российском праве необходимо предусмотреть единое производство, задачей которого должно выступать установление оснований для возбуждения преследования в рамках отдельных видов юридической ответственности (уголовной, административной, гражданско-правовой и т. п.).

В связи с этим досудебное производство должно начинаться осуществляемым в режиме административного и оперативно-разыскного законодательства (а если необходимо, то и в рамках уголовно-процессуального) *полицейским* дознанием по проверке заявлений и сообщений о противоправных действиях и установлению оснований для производства предварительного расследования по уголовному делу, а также по раскрытию преступления и либо передаче дела следователю для производства предварительного следствия, либо направлению дела в суд после проведения *сокращенного (ускоренного) расследования*, осуществляемого органами дознания.

2. Не менее очевиден еще один парадокс, связанный с исследуемым документом. Фактически одним законопроектом, с одной стороны, предлагается расширить возможности доследственного производства, с другой – сократить дальнейшее производство по делу. Вот истина: зачем вообще необходимо предварительное расследование, если в стадии возбуждения уголовного дела уже установлена судебная перспектива?

Действительно, рассматриваемым законопроектом предлагается ввести сокращенный порядок дознания, когда уголовное дело не представляет правовой и фактической сложности, а причастность лица к совершению преступления не вызывает сомнения.

Законопроектом предусматривается сокращенный срок производства дознания, который по общему правилу не должен превышать 15 суток (с возможностью продления его в исключительных случаях до 20 суток), ограничиваются пределы доказывания (доказательства будут собираться в объеме, минимально необходимом для установления события преступления и обстоятельств

причастности к нему обвиняемого фактически без производства следственных действий).

Как указано в пояснительной записке, введение сокращенного порядка дознания позволит достичь существенной процессуальной экономии, расширить диспозитивные начала при реализации подозреваемым (обвиняемым) права на защиту, а потерпевшим – права на доступ к правосудию.

Вместе с тем, как представляется, позитивная идея ускорения судопроизводства может «утонуть» в сложной противоречивой и бюрократической процедуре начала и окончания дознания.

3. Анализируемым законопроектом также предлагается заменить институт понятий при проведении отдельных следственных действий на процессуальную фиксацию этих действий с использованием технических средств. Скорее, данный шаг необходимо приветствовать.

Предлагается исключить из УПК РФ положения, в соответствии с которыми участие понятых в следственных действиях является обязательным условием, и предоставить следователю право самостоятельно выбирать способ удостоверения хода и результатов следственного действия (за исключением лишь трех следственных действий: обыска, личного обыска и опознания). Кроме того, предлагается установить порядок, в соответствии с которым к участию в производстве таких следственных действий, как наложение ареста на имущество, почтово-телеграфные отправления, осмотр, в том числе трупа, эксгумация, следственный эксперимент, выемка, контроль и запись переговоров, проверка показаний на месте, понятые привлекаются по усмотрению следователя. Если по решению следователя понятые в указанных следственных действиях не участвуют, то применяются соответствующие технические средства.

При этом в условиях широкого использования в уголовном процессе технических средств фиксации увеличивается риск злоупотреблений, связанных с фальсификацией доказательств, в связи с чем законопроектом предусматривается внести изменение в санкцию ч. 2 ст. 303 УК РФ, увеличив срок лишения свободы с трех до пяти лет за фальсификацию доказательств по уголовному делу лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или защитником.

4. Следственный комитет РФ предложил также еще один законопроект, который вносит принципиальные изменения в УПК РФ, в частности,

предлагается ввести понятие «институт установления объективной истины» и наделить участников уголовных судов новыми правами¹⁵.

По мнению авторов законопроекта, введение в УПК РФ института установления объективной истины по уголовному делу позволит обеспечить гарантии конституционного права на справедливое правосудие и повысить степень доверия граждан к правосудию¹⁶.

Приводятся достаточно объективные аргументы в защиту объективной истины. Именно она всегда выступала целью уголовно-процессуального доказывания, но осталась вне поля внимания разработчиков УПК РФ как «пережиток марксистско-ленинской политической идеологии». Всегда считалось, что только на основе истинных знаний об обстоятельствах преступления возможно справедливое осуждение виновного.

Процесс доказывания по уголовному делу должен быть ориентирован на достижение объективной истины. Это является необходимым условием правильного разрешения уголовного дела. Но УПК РФ не содержит требования о принятии всех возможных мер, направленных на ее отыскание. Не способствует установлению истины и реализованная в законе модель состязательности.

Проект предусматривает дополнение УПК РФ рядом положений, которые в совокупности и образуют институт установления объективной истины по уголовному делу. Так, закрепленное в статье 14 УПК РФ понятие презумпции невиновности предполагает толкование неустранимых сомнений в пользу обвиняемого. Оно может быть применено лишь в том случае, если невозможно достичь по делу объективной истины и только после принятия исчерпывающих мер к ее отысканию.

Предусматривается, что суд не связан мнением сторон и при наличии сомнений принимает необходимые меры к установлению действительных фактических обстоятельств уголовного дела. Должны быть скорректированы и полномочия председательствующего в судебном заседании. В соответствии с новой редакцией части первой статьи 243 УПК РФ председательствующий не только руководит судебным заседанием и обеспечивает состязательность и равноправие

сторон, но и принимает меры к всестороннему, полному и объективному выяснению всех обстоятельств уголовного дела.

Суд наделается обязанностью по ходатайству сторон или по собственной инициативе восполнять неполноту доказательств в той мере, в какой это возможно в ходе суда, сохраняя при этом объективность и беспристрастность и не выступая на стороне обвинения или стороне защиты.

И самое главное. Проектом закона предусматривается расширение перечня оснований возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению в суде: 1) неполнота доказательств, которая не может быть восполнена в судебном заседании, в том числе если она возникла в результате признания доказательства недопустимым, и исключения из перечня доказательств, предъявляемых в судебном разбирательстве; 2) необходимость предъявления обвиняемому нового обвинения, связанного с ранее предъявленным, либо изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении.

Мнение С. А. Пашина, одного из авторов Концепции судебно-правовой реформы, проводимой в Российской Федерации, таково: «К несчастью, практика такова: если вы хотите кого-то оправдать, вы должны доказать, что он невиновен. А Бастрыкин пытается закрепить это в законе. А презумпция невиновности говорит о другом: если прокуроры и следователи не доказали, что человек виновен, надо оправдать. Цель – отвлечь внимание от собственных ошибок. Следствие жидется, главным образом, на оперативно-розыскных материалах. Оперативно-розыскные мероприятия сплошь и рядом сводятся к пыткам, к выколачиванию признаний, к использованию секретной агентуры и к провокациям. Европейский Суд неоднократно уличал Россию в этих нарушениях. Но Европейский Суд – это очень узкое горлышко. Вот хотят эту преступную практику закрепить еще и в законе»¹⁷.

Резковато, но в отсутствии логики С. А. Пашина обвинить нельзя. Действительно, Следственный комитет РФ как истинный поборник обвинительной власти ищет эффективные средства ре-

¹⁵ См.: *Рос. газ.* 2012. 16 марта.

¹⁶ См.: *Смирнов Г. К.* Восстановление в УПК РФ объективной истины как цели доказывания // *Уголовный процесс.* 2012. № 4. С. 10–17.

¹⁷ *Объективная истина превратит судей в инквизиторов.* URL: www.youtube.com/watch?v=4-YILZ1dh4Y

шения своих задач, в том числе и возможность исправить свои ошибки в ходе дополнительного расследования. Здесь все понятно. Таким образом, реанимируется старый принцип силовиков: «Ваша свобода – не ваша заслуга, а наша недоработка», и уже в связи с этим законодатель не вправе лоббировать интересы отдельных заинтересованных субъектов уголовного судопроизводства. Право для всех – и в этом его ценность!

Как уже отмечалось выше, любая судебноп-правовая реформа – это *компромисс, своеобразный общественный договор* между наукой, предлагающей переустройство законодательства, и государством, принимающим и реализующим эти идеи. Существенной особенностью современных перемен в сфере отечественного права является именно отсутствие подобного компромисса, а также невосприимчивость законодателем предложенных в последние годы теоретических наработок по направлениям совершенствования уголовного судопроиз-

водства, что послужило причиной возникновения коллизий и парадоксов уголовно-процессуального правоприменения начала нового века.

Бесспорно, что «успешное решение требует от правотворческих органов скрупулезной и систематической работы по анализу социально-правовых явлений, что исключает как излишнюю инертность, так и поспешность законодателя в процессе принятия нормативных решений»¹⁸.

Вместе с тем не менее очевидно, что «отремонтировать» УПК РФ, не повредив его кодифицированную систему окончательно, уже вряд ли возможно. Необходимо признать его «законом переходного периода» и разработать новый, концептуально выверенный и эффективный, социально ценный (полезный именно для общества, для людей, а не для оценок внешних и внутренних «друзей» России, откровенно «заигравшихся» с так называемыми либеральными ценностями)¹⁹ уголовно-процессуальный закон.

УДК 343.14 **О ПОНЯТИИ «ДОКАЗАТЕЛЬСТВО» В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ** **On the Notion of “Evidence” in the Criminal Process**

Н. А. Иванов – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Омского юридического института, кандидат юридических наук

N. A. Ivanov – associate professor of the criminal procedure and criminology chair of the Omsk Law Institute, candidate of law sciences

Аннотация. В статье обосновывается изменение понятия «доказательства по уголовному делу» с учетом недостатков в терминологии, заложенной в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации.

The article deals with justification of changes in evolution of the notion «criminal evidences» taking into consideration drawbacks in the terminology of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: уголовный процесс, доказательства, понятие уголовных доказательств.
Criminal procedure, evidence, the notion of criminal evidence.

¹⁸ Сауляк О. П. Указ. соч. С. 121.

¹⁹ Феномен социальной ценности уголовного судопроизводства заключается в усмотрении обществом тесной связи социального благополучия и уровня преступности, что позволяет констатировать: «уголовное судопроизводство является в настоящее время крайним, рубежным средством, коим государство реагирует на преступность». Однако ценность уголовного судопроизводства – это не только его реальная полезность, но и «то ожидание, которое с ним связано, а также представление об этом, сложившееся и господствующее в обществе». См.: Смирнова И. Г. Социальная ценность уголовного судопроизводства : монография. М. : Юрлитинформ, 2011. С. 265.